

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ*

МОЖЕТ ЛИ НАУКА, НЕ ВОРЯСЬ ЗА ВЛАСТЬ, БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ?***

Получено: 20.08.2021. Рецензировано: 04.11.2021. Принято: 20.11.2021.

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о политической субъектности современной науки. Вряд ли можно говорить о специфической политической субъектности науки и ученых как о сознательном участии в борьбе за власть. Во-первых, борьба за власть для них не является важной целью: ученые сосредоточены на изучении мира и создании новых технологий. Во-вторых, даже если они принимают участие в подобной борьбе, то в этом случае они не отличаются от других социальных групп, отстаивающих свои интересы в политическом процессе. При смене оптики рассмотрения политической субъектности науки можно увидеть ее специфическое положение в пространстве политического. В процессе формирования дисциплинарной власти и биовласти, складывания практик гвернментальности наука стала базовым элементом управленческих и политических практик. Наука конструирует представления об управляемых объектах, возможных способах взаимодействия с ними и формирует пространство реализуемых управленческих и политических решений. В этом случае социальные и гуманитарные науки приобретают особую политическую субъектность. Это специфическим образом относится к естествознанию и техническим наукам. Новые научные теории и технологические решения становятся представителями *non-human* акторов в человеческом мире. В результате они изменяют представления о «Природе», которая выступает «сценой» для истории и политических действий. Появление новых *non-human* акторов способно произвести технологический переворот, который может влиять на способы реализации политических действий и конструировать новые возможности для осуществления политических проектов, что становится важным элементом политической субъектности науки.

Ключевые слова: наука, постнормальная наука, политическая субъектность, *non-human* акторы, исследования науки и технологий, гвернментальность.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-44-56.

В. Н. Порус и В. А. Бажанов ставят вопрос о политической субъектности современной науки (Порус и Бажанов, 2021). Они отмечают, что

*Масланов Евгений Валерьевич, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), evgenmas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6403-8003.

***© Масланов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

уже с конца XX века сложилось представление о *постнормальной науке*, которая решает задачи, имеющие особо важное влияние на жизнь общества в отдаленной перспективе. Поэтому для нее характерен высокий уровень неопределенности: он связан не только со спецификой научных исследований, но и с «трансфером» результатов из чистой науки в технологические цепочки или общественную жизнь (Funtowicz, Ravetz, 1993). Все чаще выдвигаются проекты так называемой «гражданской науки» (citizen science). Ее основная особенность — вовлечение людей, не связанных профессионально с научными исследованиями, в разнообразные научные проекты. Они могут быть направлены как на сбор информации о различных явлениях живой и неживой природы или обработку больших массивов данных, так и на участие в научных исследованиях на уровне помощников, способных оказать влияние на их дизайн и структуру (Citizen Science, 2018; Bylieva, Lobatyuk, Rubtsova, 2021). Все это свидетельствует об изменении способов функционирования научного знания в обществе: ученые больше не находятся в «башне из слоновой кости», они не могут воспринимать свою деятельность лишь как познавательный проект изучения фундаментальных законов мироздания. Они непосредственно вовлечены в общественную жизнь, поскольку результаты научных исследований могут лежать в основе технологических и социальных инноваций, которые оказывают существенное влияние на жизнь общества.

«Выход» науки «к городу и миру» не привел, по мнению авторов, к формированию новой политической субъектности науки. Во многом это связано с тем простым обстоятельством, что, как отмечал еще М. Вебер,

«политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает (Вебер, Филиппов, 1990: 646).

Но научные исследования не предполагают подобного стремления. Даже при создании новых технологий ученые не могут рассчитывать на то, что их деятельность распространится за пределы исследовательских площадок. Поэтому политика, вообще говоря, не входит в сферу их интересов. Обычно предполагается, что наука и ученые, интеллектуалы не участвуют в принятии политических решений как самостоятельные акторы — они выступают профессиональными экспертами, способными

на основе своих знаний разработать оптимальные способы достижения поставленных политических целей или оценить уже заявленные проекты. Кредо подобного эксперта-бюрократа было сформулировано Р. Мертоном (Мертон, Чермиссинова, 2006: 351):

бюрократический интеллеktуал должен уступить политическому деятелю право определить область его исследовательских проблем. Разумеется, он ставит свои навыки и познания на службу определенному институциональному порядку ради его сохранения.

В этом случае даже расширение экспертизы и ее демократизация за счет включения в состав экспертов людей, обладающих «локальными знаниями», не способно поколебать уверенность науки и ученых в том, что они лишь выступают «профессиональными советчиками», ведь политические и управленческие решения принимают другие. В итоге, казалось бы, единственным способом для ученых обрести политическую субъектность становится отстаивание собственных интересов в рамках политического процесса. Однако в этом случае их политическая субъектность ничем не отличается от субъектности других социальных групп, отстаивающих свои интересы в процессе взаимодействия с государством и артикулирующих их в политическом поле. Итогом подобного рассмотрения возможной политической субъектности науки должна стать констатация факта: наука не обладает специфической политической субъектностью, выделяющей ее на фоне других институтов. Возможно, это задача нового проекта науки, предполагающего, что она при помощи распространения ценностей рациональной дискуссии и формирования у общества все большего научного бэкграунда сможет заявить о том, что у нее есть специфические притязания не только в рамках познавательных процедур, но и в политическом процессе (Касавин, 2020; Maslanov, 2019).

Политическая субъектность науки, как справедливо отмечают В. Н. Порус и В. А. Бажанов, связана с особенностями политической культуры общества. К примеру, в обществах, в которых лишь имитируется конкурентная политическая борьба, ученые решают задачи государственной важности, при этом отстаивая собственные исследовательские интересы. Определение же «государственных интересов» — задача политических лидеров, а не ученых. Лишь в условиях конкурентных политических режимов ученые могут принимать участие в дискуссиях и оказывать

влияние на возможные политические решения, выстраивать стратегии достижения оптимальных результатов, влиять на то, что должно считаться в обществе приоритетными задачами.

В. Н. Порус и В. А. Бажанов отмечают, что *постнормальная наука* по самой своей природе намного больше вовлечена в политические процессы, чем наука предыдущих этапов. Поэтому именно занятые в ней ученые стремятся обладать политической субъектностью. Действительно, проблемы, поднимаемые *постнормальной наукой*, — от климатических изменений до вопросов утилизации атомных отходов — обладают большим «политическим» резонансом. Их решение требует не только кропотливого научного исследования, но и определенной политической воли, ведь, стараясь снизить неопределенность в одних областях, они повышают ее в других, затрагивают интересы транснациональных корпораций и политических режимов. Однако на вопрос о политической субъектности *постнормальной науки* и науки в целом можно посмотреть немного иначе. Может быть, она связана с борьбой за политическую власть, участием в политическом процессе или даже с непосредственным влиянием на политические решения иным, косвенным образом. Правда, чтобы такая субъектность стала заметной, необходимо изменить оптику рассмотрения роли науки и ученых в политическом процессе, их влияния на практики власти — не обратиться к вопросу о том, как именно ученые могут воздействовать на власть, а попытаться увидеть их «конструирующую» роль в политическом процессе. Здесь важно отметить, что не только наука подвержена влиянию политического контекста, но и «сам контекст может меняться под воздействием науки и ее ценностей» (Порус, 2021: 40).

Анализируя вопрос о политической субъектности какого-либо актора, как уже было отмечено, мы обращаем внимание на то, каким образом он может действовать в рамках борьбы за власть, решать стандартные политические задачи. При этом ученый всегда находится в уже существующем политическом пространстве. Именно поэтому В. Н. Порус и В. А. Бажанов отмечают, что,

не имея необходимых условий осуществления политической субъектности, но вовлекаясь в политику, наука рискует утратить свою способность к независимому и объективному поиску истины, попадая в зависимость от тех или иных политических интересов и влияний (Порус и Бажанов, 2021).

Но на науку и ученых можно посмотреть не только как на еще одну группу, вступившую в игру за возможность управлять обществом через

принятие политических и управленческих решений. Можно предположить, что уже достаточно длительное время наука выступает специфическим актором, который как раз и формирует наше понимание общества и природы, механизмов взаимодействия между ними, самой структуры возможных политических решений. В. Н. Порус и В. А. Бажанов в значительной степени оставляют обсуждение этого вопроса в стороне.

Вспомним, как М. Фуко в одной из своих лекций в Коллеж де Франс описывает становление дисциплинарной науки как особого проекта подчинения мира.

XVIII век был веком дисциплинирования знаний, то есть внутренней организации всякого знания как дисциплины, имеющей в своей собственной области одновременно критерии селекции, позволяющие устранить ложное знание, не-знание, формы нормализации и гомогенизации содержания, формы установления иерархии и, наконец, порядок централизации знаний в ходе их подчинения определенным аксиомам (Фуко, Самарская, 2005: 196).

Это и позволило, по его мнению, вместе с порядком дисциплинирования знаний возникнуть «принуждению», которое «составляет целое с нашей культурой и называется „наукой“» (там же: 197). Научное знание как раз и оказывается важнейшим технологическим элементом, позволяющим сформироваться новым практикам власти, управления и контроля. Именно оно дает возможность выстраивать стратегии взаимодействия и управления телами, населением и миром. Благодаря этому оно становится важнейшим механизмом, конструирующим пространство возможного политического выбора, противостояния или сопротивления устоявшимся способам контроля. Поэтому не случайно, что именно с XVIII века как раз и формируются и дисциплинарные, и биополитические практики и технологии власти. М. Фуко отмечает, что они приводят к образованию нового режима управления — гувернментального, основанного на гувернментальном разуме (*gouvernementalité*)¹. С одной стороны, в этом понятии, как отмечает О. В. Кильдюшов, обыгрывается соединение правления и ментальности, а с другой — оно дает возможность показать «соединение техник индивидуального (само)контроля и институционализации внешнего господства» (Кильдюшов, 2014: 18).

¹Как отмечает Е. Блинов, переводы термина *gouvernementalité* как «управленчество» (Фуко, Самарская, 2005) или как «правительственность» (Дин, Писарев, 2016) недостаточно удачны и возможно использование кальки данного термина (Блинов, 2021: 92).

Один из исследователей гувернментального разума М. Дин отмечает, что в целом для подобных практик особую роль играют власть, истина и идентичности, при помощи которых можно описать три основные оси управления: его технику, эпистему и этос. Эти три параметра позволяют сформировать «формы видимости», т. е. в буквальном смысле «изобразить» то, что подлежит управлению, описать, при помощи каких средств осуществляется управление, выявить формы знания, с которыми оно связано, и сформировать типы идентичностей, через которые оно может действовать. Но сама гувернментальность

появляется в западноевропейских обществах в раннее Новое время, когда искусство управления государством становится особой деятельностью, а различные формы знания и техники наук об обществе и человеке — его неотъемлемой частью (Дин, Писарев, 2016: 92–93).

Для нас именно этот факт и является наиболее важным. Ведь теперь управленческие практики требуют вдумчивого описания мира, опирающегося на исследования. Ни дисциплинарные практики, ни тем более биополитические не могут успешно реализовываться без формирования образа управляемого объекта, описания и конструирования тактических и стратегических действий, благодаря которым как раз и возможно управление ими. Но этот образ формируется исследователями. Без него ни о каком политическом говорить невозможно, ведь без описаний не существует объектов управления, теряются ориентиры для выработки любых решений.

Гувернментальные практики оказываются пронизаны научными данными, поэтому они и предъявляют настойчивые требования к науке: изучать и описывать мир, анализировать различные возможные технологические и практические решения. Об этом свидетельствует формирование экспертных и исследовательских центров, обеспечивающих деятельность правительств и разрабатывающих проекты инновационных изменений и различных реформ. Однако результаты подобной научной деятельности нельзя назвать политически нейтральными, ведь предлагаемое описание, с одной стороны, само лежит в основе принимаемых политических решений, с другой стороны, является порождением противоречий, борьбы, конфликтов и компромиссов внутри научного сообщества. В этом случае базовые установки, стиль мышления исследовательской группы оказывают влияние на научную работу. Поэтому результаты научных исследований, научный консенсус как оказываются основой практик управления и принятия политических решений,

так и конструируют мир, по отношению к которому эти решения принимаются. Примерами могут служить и дискуссии о климатических изменениях, и вопросы, связанные с формированием экономической политики или проведением различных социальных и экономических реформ (Grundmann, Stehr, 2009; Hedlund, 2011). В любом случае без учета научных результатов и научных данных оказывается вообще невозможным запустить процесс политических дискуссий и принятия решений.

Итак, можно констатировать, что наука все же обладает *специфической* политической субъектностью. Собственно говоря, она и формирует то представление об «обществе», «власти», «объектах управления», возможных механизмах их изменения, которые всегда оказываются предзаданными любому пространству политического, любой общественной дискуссии или борьбе за власть.

Подобное описание роли науки в конструировании пространства политического ориентируется на использование знаний из области биологии и медицины, социальных исследований и статистики, гуманитарного знания. Именно они формируют представления о теле человека и механизмах его контроля, конструируют различные социальные объекты, которые подвергаются управлению. Поэтому науки, связанные с исследованием Природы, казалось бы, вряд ли могут быть использованы в процессе подобного конструирования. Изучение законов механики в XVIII в., исследования в области теории элементарных частиц, создание периодической таблицы химических элементов вряд ли могли оказать влияние на формирование политического пространства и практик власти, а поэтому, казалось бы, представители естественных наук лишены подобной политической субъектности². Правда, в рамках такого направления, как исследования науки и технологий (Science and Technology Studies), показано не только то, что в процессе научного исследования всегда присутствуют элементы социального конструирования научных фактов, теорий и гипотез. Важным становится и то, что именно в процессе научной работы происходит разделение на «общество» и «Природу» (Латур, Калугин, 2006), при этом предполагается, что «Природа» является неизменной и существующей вечно, именно

²Хотя, конечно же, можно вспомнить, что один из центральных вопросов полемики, например, между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом был вопрос о поиске социального согласия, который и оказал огромное влияние на занимаемые ими позиции в дискуссии об экспериментальном естествознании (Shapin, Shaffer, 1985).

поэтому возможно ее успешное изучение. Ее взаимодействие с человеческим обществом заключается лишь в том, что она выступает «сценой», на которой разворачивается его историческое развитие, но она не может целенаправленно влиять на него. Конечно же, например, природные условия выступают важным фактором, влияющим на жизнь общества, но вряд ли стоит говорить о том, что они делают это на основе «собственных устремлений». Подобное представление о разделении «общества» и «Природы» было подвергнуто критике, например, Б. Латуром, который отмечал, что такое деление носит скорее идеологический характер (Латур, Блинов, 2018): оно позволяет провести строгое разграничение между «обществом» и «Природой» и как выстроить пограничные линии между исследовательскими стратегиями по изучению этих объектов, так и предоставить возможность ученым, изучающим «Природу», заявить о своей непогрешимости. Результаты их исследований «раскрывают» законы «Природы»; они не «дело рук человеческих», а фиксация фундаментальных законов мироздания. Именно подобное положение дел и дает возможность исследователям «Природы» заявлять о том, что они не обладают — да и не хотят обладать — никакой политической субъектностью, ведь изучаемые ими законы не имеют прямого отношения к миру людей.

Подобная «непогрешимость» лишь на первый взгляд заслуживает полного доверия. В новоевропейском естествознании исследование «Природы» всегда было связано с выведением на «сцену» исторического развития человеческих обществ различных новых акторов. Фундаментальные научные исследования «насеяли» мир людей «разнообразными силами», новыми «Природными» сущностями, о которых люди до этого не знали; изобретениями, дающими возможность получать научные результаты. В этом случае для нас важно лишь то, что, оказавшись в мире, в котором живут люди³, подобные «новые фундаментальные сущности» начинали влиять на ученых, их теоретические представления и исследовательские стратегии и — самое важное — постепенно

³Здесь мы не ставим вопросы о том, «существовали» ли эти сущности до их «открытия» учеными или нет, насколько они являются «конструктами», и другие онтологические вопросы, т. к. они нас в этом случае совершенно не интересуют. Нам лишь важно подчеркнуть тот простой факт, что в своей научной и практической деятельности люди, например в XVIII в., не имели представления о существовании периодической таблицы химических элементов, тогда как в XX в. знания о таблице Менделеева помогало решать фундаментальные и прикладные задачи.

проникали в общественную жизнь. Этот процесс становится ключевым элементом формирования политической субъектности науки. Мы привыкли к тому, что субъектностью обладают лишь человеческие акторы, которые могут осознанно представлять свои интересы, однако исследования показали, что в процессе внедрения технологических инноваций в общественную жизнь и *non-human* акторы начинают приобретать субъектность. Они могут «сопротивляться» исследователям и создавать для них различные проблемы, «договоренности» с ними могут приводить к совершенно неожиданным последствиям или разрушать уже сложившиеся коалиции (Callon, 1986; Law, 2004: 18–103). Вхождение *non-human* акторов в мир приводит не просто к изменению «сцены», на которой разыгрывается спектакль человеческой истории, — формируются совершенно новые политические практики и практики управления. Открытие радиоактивного излучения, квантовой механики и расщепление атома не только изменили наши представления о «Природе». Появившиеся вместе с ними новые «жители» человеческого мира стали важнейшими элементами средств коммуникации и работы с информацией, легших в основу сетевого общества и нашего современного понимания когнитивных процессов, да и трансформации ряда политических режимов (Castells, 2009; Dányi, 2006). Без «представительства» *non-human* акторов не было бы возможно ни создание новых отраслей промышленности, ни формирование новых способов коммуникации; наш мир был бы совершенно иным. В этом случае сама «сцена» человеческой истории есть продукт «договоренности» в возможном парламенте вещей и людей (Латур, Блинов, 2018).

Подведем итоги. Вероятно, ученые не обладают особым политическим статусом в рамках борьбы за власть: они выступают такими же участниками политического процесса, как другие социальные группы или партии, представляющие их интересы. При этом их возможность стать акторами политического процесса, так же как и для других его потенциальных участников, обусловлена, как отмечают В. Н. Порус и В. А. Бажанов, особенностями политической культуры и политического процесса в каждой конкретной стране. Авторитарные режимы и режимы с имитационной политической средой противятся обретению наукой и учеными, равно как и другими акторами, собственной политической субъектности. Однако политическая субъектность науки и ученых может быть связана и с иными обстоятельствами: с одной стороны, они выступают той социальной группой, которая конструирует представления об управляемых объектах, они «формируют» то, чем

потом управляют политики, и создают модели возможного управления; с другой же — они оказываются проводниками *non-human* акторов в мир людей. В этой роли они приобретают специфическую политическую субъектность — открывают возможность для последних влиять на «сцену», на которой происходит взаимодействие людей, на знания и технологии, благодаря чему они меняют и мир политического.

Поэтому, конечно же, можно согласиться с утверждением о том, что стремление к политической субъектности науки, ее представление как некоторой политической силы, взаимодействующей с другими политическими акторами в процессе принятия политических и управленческих решений, «имеет теоретический и практический смысл только как составная часть движения к гражданскому обществу и демократии» (Порус и Бажанов, 2021). Без этого «движения» невозможна какая-либо политическая субъектность акторов, не находящихся во власти. Но нужно учитывать и то, что наука приобретает определенную политическую субъектность как практика конструирования объектов управления и наших представлений о социальном и природном мире. О работе механизмов такого конструирования в статье В. Н. Поруса и В. А. Бажанова сколько-нибудь подробно не говорится, хотя это важный вопрос, который заслуживает особого рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов Е. Н. «Царствующая болезнь» // Логос. — 2021. — № 2. — С. 79–104.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Избранные произведения : пер. с нем. / под ред. Ю. Н. Давыдова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 644–706.
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Касавин И. Т. Наука — гуманистический проект. — М. : Весь мир, 2020.
- Кильдюшов О. В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства» : программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. — 2014. — Т. 13, № 3. — С. 9–32.
- Латур Б. Нового времени не было : эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
- Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Н. Блинова. — М. : Ад Маргинем, 2018.

- Merton P.* Роль интеллектуалов в государственной бюрократии / пер. с англ. Е. Р. Чермисиновой // Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Чермисиновой. — М. : АСТ, 2006. — С. 338–359.
- Порус В. Н.* На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. — 2021. — Т. 58, № 2. — С. 34–42.
- Порус В. Н., Бажанов В. А.* Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 4.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Bylieva D. S., Lobatyuk V. V., Rubtsova A. V.* Citizen Science : Concept, Problems and Prospects // Социология науки и технологий. — 2021. — Vol. 12, no. 1. — P. 49–70.
- Callon M.* Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action and Belief / ed. by J. Law. — London : Routledge, 1986. — P. 196–223.
- Castells M.* Communication Power. — Oxford : Oxford University Press, 2009.
- Dányi E.* Xerox Project : Photocopy Machines as a Metaphor for an “Open Society” // Information Society. — 2006. — Vol. 22, no. 2. — P. 111–115.
- Funtowicz S., Ravetz J. R.* Science for the Post-Normal Age // Futures. — 1993. — Vol. 25, no. 7. — P. 735–755.
- Grundmann R., Stehr N.* The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- Hedlund S.* Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
- Innovation in Open Science, Society and Policy / ed. by S. Hecker [et al.].* — London : UCL Press, 2018.
- Law J.* After Method. Mess in Social Science. — London, New York : Routledge, 2004.
- Maslanov E.* University as Social Background in “Trading Zone” Creation // Philosophy of the Social Sciences. — 2019. — Vol. 49, no. 6. — P. 493–509.
- Shapin S., Shaffer S.* Leviathan and the Air Pump : Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. — Princeton : Princeton University Press, 1985.

Maslanov, Ye. V. 2021. "Mozhet li nauka, ne boryas' za vlast', byt' politicheskim sub'yektom? [Can Science be a Political Agent without a Race for Power?]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4), 44–56.

YEVGENIY MASLANOV

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-6403-8003

CAN SCIENCE BE A POLITICAL AGENT WITHOUT A RACE FOR POWER?

Submitted: Aug. 20, 2021. Reviewed: Nov. 04, 2021. Accepted: Nov. 20, 2021.

Abstract: The article is an attempt to answer the question on the political subjectivity of modern science. It is hardly possible to speak of the specific political subjectivity of science and scientists as a conscious participation in the struggle for power. First, the race for power itself is not a major purpose for them: scientists concentrate on studying the world and creating new technologies. Second, even if they participate in such a race, they are not different from other social groups which protect their interests in political process. Changing the point of view on the political subjectivity of science enables to see its specific position in the space of the political. During discipline power and biopower formation and governmentality development, science became a basic element of public administration and politics. It forms the ideas of the objects managed, possible ways of interaction with them and creates the space of the political and management decisions implemented. In this case, social sciences and humanities obtain special political subjectivity. This also applies in a specific way to natural science and technical sciences. New scientific theories and technological solutions become representatives of non-human actors in the human world. They result in changing our ideas on "Nature", a "scene" for history and political actions. The emergence of new non-human actors can cause the technological revolution which can influence the ways of political action implementation and provide new opportunities to execute political projects. This is an important element of the political subjectivity of science.

Keywords: Science, Post-Normal Science, Political Subjectivity, Non-Human Actors, Science and Technology Studies, Governmentality.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-44-56.

REFERENCES

- Blinov, Ye. N. 2021. "‘Tsarstvuyushchaya bolezn’ [Fuko ob institutsional’nom smysle epidemiy i ‘kompaknykh modelyakh’ otnosheniy vlasti]" [in Russian]. *Logos [Logos]*, no. 2: 79–104.
- Bylieva, D. S., V. V. Lobatyuk, and A. V. Rubtsova. 2021. "Sitizen Science: Concept, Problems and Prospects." *Sotsiologiya nauki i tekhnologii [Sociology of Science & Technology]* 12 (1): 49–70.
- Callon, M. 1986. "Some Elements of a Sociology of Translation; Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Briec Bay." In *Power, Action and Belief*, ed. by J. Law, 196–223. London: Routledge.
- Castells, M. 2009. *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.
- Dányi, E. 2006. "Xerox Project: Photocopy Machines as a Metaphor for an ‘Open Society’." *Information Society* 22 (2): 111–115.

- Dean, M. 2016. *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]* [in Russian]. Ed. by S. M. Gavrilenko. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom "Delo" RAN-KhiGS.
- Foucault, M. 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de France, 1975–1976]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Funtowicz, S., and J. R. Ravetz. 1993. "Science for the Post-Normal Age." *Futures* 25 (7): 735–755.
- Grundmann, R., and N. Stehr. 2009. *The Power of Scientific Knowledge. From Research to Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hecker, S., et al., eds. 2018. *Innovation in Open Science, Society and Policy*. London: UCL Press.
- Hedlund, S. 2011. *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kasavin, I. T. 2020. *Nauka — gumanisticheskiiy proyekt [Science as a Humanistic Project]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ves' mir.
- Kil'dyushov, O. V. 2014. "Mishel' Fuko kak issledovatel' 'politseyskogo gosudarstva' [Michel Foucault as a Researcher of 'Police State']: programma, evristicheskiye problemy, perspektivy izucheniya [A Program, Heuristic Problems, and Prospects of Study]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 13 (3): 9–32.
- Latour, B. 2006. *Novogo vremeni ne bylo [Nous n'avons jamais été modernes]: esse po simmetrichnoy antropologii [Essai d'anthropologie symétrique]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Ya. Kalugin. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- . 2018. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. N. Blinov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Law, J. 2004. *After Method. Mess in Social Science*. London, New York: Routledge.
- Maslanov, E. 2019. "University as Social Background in 'Trading Zone' Creation." *Philosophy of the Social Sciences* 49 (6): 493–509.
- Merton, R. 2006. *Rol' intellektualov v gosudarstvennoy byurokratii [Role of the Intellectual in Public Bureaucracy]* [in Russian]. In *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social Theory and Social Structure]*, trans. from the English by Ye. R. Chermisshina, 338–359. Moskva [Moscow]: AST.
- Porus, V. N. 2021. "Na puti k reforme sistemy epistemologicheskikh tsey i tsennostey [Towards the Reform of the System of Epistemological Goals and Values]" [in Russian]. *Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]* 58 (2): 34–42.
- Porus, V. N., and V. A. Bazhanov. 2021. "Postnormal'naya nauka [Post-Normal Science]: mezhdu Stsilloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4).
- Shapin, S., and S. Shaffer. 1985. *Leviathan and the Air Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Weber, M. 1990. "Politika kak prizvaniye i professiya [Politik als Beruf, Macht als Berufung]" [in Russian]. In *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*, ed. by Yu. N. Davydov, trans. from the German by A. F. Filippov, 644–706. Moskva [Moscow]: Progress.